

Казак А.П.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПАССИОНАРНОСТИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

«Закономерность исторических событий обратна пропорциональна их духовности».

В.О. Ключевский

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы попытаться ответить на вопрос: чем объяснить, мягко говоря, сложность и заторможенность социально-экономических преобразований на политическом пространстве СНГ в целом и Украины в частности, и указать на некоторые предпосылки, реализация которых может способствовать украинскому сообществу ускорить решение стоящих перед ним жизненно важных задач. А так же, обратить исследовательский интерес на диалектическую взаимосвязь духовных ориентиров и динамики общественного развития, гражданской идентичности и пассионарности народа, и показать роль культуры — этой «вселенской церкви современности» (А. Панарин) — в процессах модернизации и демократизации украинского общества. В своем анализе мы опирались на работы А. Панарина, М. Кагана, В. Библиера, Дж. Кэмпбелла, В. Франкла и др.

А. Панарин неоднократно констатировал, в широком смысле кризис методологии экономикоцентризма, а в узком, конкретном — либертариализма, который ограничился сменой форм собственности и повсеместным введением рыночных отношений на постсоветском пространстве [9, с. 301-328]. Украина также не избежала этого. Модернизаторы, опираясь на дескриптивно-инструментальные технологии и деятельность институциональных структур, строили «программируемое общество», оставив в стороне проблемы гражданской идентичности и социального согласия, а следовательно, и условия формирования творческой, инициативной самоорганизации снизу. «На самом деле, — подчеркивал А. Панарин, — для того, чтобы общество существовало как целостность, чисто функциональных связей недостаточно. Социум скрепляется не одним только обменом, но и духовным единством — интеграцией в общую ценностную систему» [8, с. 54]. Человека создали не экономические интересы, а ценности, заложенные в исторической памяти народа. По мнению А. Панарина, «политическая наука постоянно балансирует между «парадигмой интересов» и «парадигмой ценностей», но именно последняя стратегия способна вскрыть реальные факторы производства социального порядка и динамического развития [6, с. 9].

Нам представляется плодотворным перенос исследовательского интереса с парадигмы экономикоцентризма на культурно-исторический подход. Он исходит из эмпирически наглядного факта множественности культур, и сохранения их качественного различия и национального своеобразия. Его суть состоит в признании за каждой культурой права на самостоятельное существование и развитие, в отстаивании принципа равноправного существования всех культур, что исключает любую претензию на культурное лидерство со стороны отдельного этноса. М. Каган подчеркивает определяющую роль культуры по отношению к институциональным образованиям: «Культура определяет и тем самым формирует, оформляет, организует, структурирует общественные отношения, которые являются содержанием этих создаваемых культурой институтов, организаций, учреждений» [3, с. 51].

Реформаторская деятельность наших политиков недавнего времени концентрировалась, в основном, вокруг модернизации экономических и политико-правовых институтов, системы наличных и вещных отношений, оставляя в тени бытийственное, сущностное ядро культуры, которое выражено у разных авторов в таких понятиях как «энтелихия» (Аристотель), «народный быт» (В. Ключевский), «жизненный мир» (Гуссель), «архетип поведения» (К. Юнг), «жизненный порыв» (А. Бергсон) и др.

Обобщенно представим эти понятия как тип духовной культуры и жизнедеятельности определенного народа, как естественноисторически сложившийся способ воспроизводства органики социального бытия, носитель человеческого смысла и источник синергетических и пассионарных сил общества.

По существу, тип культуры — это тот невидимый фронт, на котором общенациональные цели и задачи трансформируются в конкретный тип поведения и отношения к декларируемым политическим программам, место встречи для выработки общего языка между политикой и народом, для согласования логики жизни с требованиями времени. Мышление экономикоцентризма третирует его как кантовскую трансцендентную вещь в себе, как архаику, которую не следует принимать во внимание, либо если она оказывают сопротивление, загнать в подполье. Но именно от политического чутья и понимания глубинных токов народной жизни зависит создание особой атмосферы творчества и сотрудничества всех субъектов политики.

Пассионарность народа не есть постоянная величина, она зависит прежде всего, по определению А. Панарина, от общегражданской идентичности: «Именно идентичность характеризует способность переводить информацию из дискретного состояния в перспективное. Необходимый для этого уровень социальной энергии определяется уровнем идентичности» [8, с. 21].

Идентичность является основной проблемой экзистенции современного общества. Она означает не только терпимость (толерантность) к другим мнениям, мыслям и верованиям, социальную адаптацию и приспособление, но и осознанное признание культурного различия, «непохожести» акторов общества. Признание другого не только как равного, ни и как фундаментально отличного, защита различий этносов и культур — стержень достижения гражданской идентичности. Она зиждется на том, что мы едины, как граждане, в своих правах и обязанностях перед обществом и государством, но мы всегда будем различны

по своим антропологическим, биографическим и культурным основаниям.

Небезынтересен в этом контексте взгляд М. Хардта и А. Негри, которые ставя вопрос о том, кто станет структурной единицей будущего демократического общества, отвергают термин «безликого индивида», характерный для стандарта либерализма и вводят понятие сингулярий (*singularity*), т. е. творчески одаренной личности, «чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и которая всегда отличает его от других». Вместо недифференцированной пары «индивид-масса» они используют органическую связку «личность-множество», как культурное разнообразие личностей, способное реализовать идею демократии, понимаемой как управление каждого каждым» [2, с. 186].

Следует различать культуру, как идеологию, не способную увидеть несоответствие своих представлений действительности («сознание — *сant*») и органично развивающуюся культуру, заданную историческими реалиями. Культура, как идеология, пренебрегающая историческими корнями и собственными духовными основаниями, принципиально не реализуема в рамках данного социального порядка и обречена стать утопией [5, с.116-117]. Инверсно этому духовная реальность обладает особой онтологией «витального слияния по ценностям». «Духовное сущее, — отмечает В. Франкл, — это духовное существующее, это осознающее бытие, оно сопresentствует иному сущему, сознавая иное сущее... Полное сопresentствие [возможно] лишь между равными друг другу сущими» [13, с. 95].

В чем состоит главная особенность духовной культуры украинского общества? Это, прежде всего существование в рамках единого государства двух равновеликих общностей — украинской и русскоязычной, синансис их ценностных оснований и культурно-исторических различий.

С одной стороны, мы в течение столетий создавали великую и уникальную двуязычную культуру, которая конституировала и обогащала ценностные контакты обоих народов. Начиная с эпохи Киевской Руси мы усваивали единые славяно-православные ценности: терпимость и милосердие, бескорыстное дарение и доверие к другим, склонность к философии «сердца», а не к рассудочным оценкам, веру в сверхрациональный космический процесс и в предельные возможности человеческой души, стремление к сотрудничеству, «соборности» и общинным коммунитарным началом бытия. Эти качества стали фундаментальными как для украинского, так и для русского менталитета [7, с. 243-247].

С другой стороны, каждый из наших народов сохранил свою национальную самобытность, культурную уникальность, аккумулировал собственный ценностный архетип. Проводить на этом основании рассечение культур, не признавать их равноценного вклада в общенациональное достояние, — значить повторить отдельные драматические страницы прошлой истории, обусловленные искусственной политикой противопоставления и вытеснения.

Неадекватность — характерная черта большинства многонациональных культур, и цивилизованный выход из этого давно найден. Он состоит в объективном признании межкультурных различий и развитии гражданской диалогизации, направленной не на сужение, а на расширение духовно-творческого потенциала общества, не на раскол, а на его консолидацию [1, с. 69-70].

Распад СССР дал Украине уникальную возможность объединить общности (украинскую и русскую) единой судьбой и общими государственными интересами. Не стоит рассматривать исторический процесс как суммативную игру случайностей и обращать полученный дар в дальнейшую политическую игру. Необходимо выдвигание объединяющей все этносы общенациональной идеи и создание единой политической нации — целостной общности, живущей в неделимом политико-правовом пространстве, законы и нормы которого признаются универсальными, независимо от этнических, конфессиональных и других различий. Как подчеркивал А. Панарин, политическая нация не содержит понятия «титульной нации», не представляет каких бы то ни было привилегий или статусов отдельным этносам и элитарным группам, и обладает единым социокультурным содержанием: единство государственных целей и интересов, безопасность и благополучие всех граждан. Там, где побеждает этноцентризм и национализм — проигрывает общество в целом и государственное единство ставится под вопрос. В результате вместо гражданского согласия и сотрудничества возникает квазисословное общество, разделенное политическими привилегиями и раздираемое взаимными подозрениями [6, с. 45-46].

Идеология противостояния высветила главный камень преткновения в созданном общими усилиями обществе — равнодушие и глухоту к чужой экзистенции, неспособность к диалогу на равных, психологию неприятия других мнений в отечественной культуре. Она способствовала расколу православной церкви, породила широкий спектр политических лозунгов от радикального этноцентризма до «безродного космополитизма», но при этом не выдвинула ни одной сколько-нибудь значимой политической силы, отстаивающей идею единства и равноправия культур и традиций всех народов современной Украины. Под ее воздействием спешно перекраивается история, делаются акценты на сомнительные исторические авторитеты, отвергается лингвистическое родство славянских языков, распространяется среди молодежи прагматическая мораль успеха и достиженчества любой ценой.

Можно предположить, что политика противостояния и разъединения удобна для управления неассоциированной массой населения, особенно в переходный период. Однако масса — не социокультурное образование. По мнению Ж. Бодрийара, масса представляет собой бесструктурное большинство без свойств, без репрезентации и навыков к управлению: «Рациональная коммуникация и массы не совместимы. Массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода... не удалось никакими усилиями» [12, с. 19]. Более того, утилитарное насаждение эрзац-культуры «потребительства», «морали успеха» разрушает духовную связь социума, угрожает превращением его в эгоистическую борьбу интересов. Логика насилия, враждебности, разбиения общества по принципу кто друг, кто враг является источником агрессивности массового сознания и деструктивно воздействует на социальную ткань бытия. В. Библер, внимательно исследовавший эту проблему, приходит к выводу, что «тайны соци-

альных катастроф, может быть, следовало бы искать в логических катастрофах культуры» [1, с. 60].

Процесс формирования гражданской идентичности осложняется либеральным пониманием свободы, сводимым исключительно к личным правам индивида, свободного от обязательств перед сообществом. Утверждение формальных процедур демократии создает преимущества для избранного, крикливого меньшинства при угрюмом и апатичном согласии большинства населения, лишённого реального права на участие в принятии политических решений. Личное право гражданина должно опираться на баланс межгрупповых интересов и реализоваться через его соучастие в совместной деятельности групп и объединений, к которым он принадлежит по своим мировоззренческим ориентациям. Коллективная практика причастности к ответственному творчеству социальной жизни ведет к более высокому уровню демократии и самораскрытию человека. Действенное демократическое сообщество, как отмечает американский исследователь Дж. Кэмпбелл, возникает на основе установления сложного равновесия между свободой и равенством граждан. При этом он четко различает равенство условий, как наличие одинаковых средств для обеспечения полноты личного участия в социальной жизни, и равенство, как обладание равными возможностями. Последнее по существу является формальным равенством, т.к. зависит от личной инициативы и не обеспечивает самораскрытие человека на основе соучастия в совместном поиске решений. «Под равным правом участия в принятии общественных решений подразумевается более высокая степень равенства условий — в образовании и карьере, в возможностях... приобщаться к культуре, экономической защищенности и перспективах на будущее» [4, с. 124-125]. Таким образом, принцип свободы, интерпретируемый в формате равноправия культур, их гармонического баланса между самоограничением и самореализацией будет содействовать пробуждению пассионарности и динамики всех общественных сил.

Одним из источников напряженности в украинском обществе является вопрос о двуязычии, который некоторые политики стремятся разрешить ускоренным и даже силовым путем. Важнейшим достоянием национальной культуры является родной язык. Сохранения языка есть единственный способ укорененности данной культуры. Родной язык, усвоенный с детства, создает неповторимую топологию и энергетику освоения реальности с помощью культурного наследия. Возникший на этой основе этно-культурный социокод становится уникальным способом творческого отношения к миру. А. Потебня считал, язык — порождение «народного духа», в нем изначально заложен творческий потенциал, обеспечивающий создание новых мыслительных конструкций, инноваций [10, с.50, 155-156]. Это подтверждается и современными исследованиями. Так, Э. Тугендхат и К.-О. Апель обосновывают, что язык представляет собой необходимое условие функционирования сознания и базовой основой для интересубъективного конституирования значимых смыслов бытия [11, с. 140-143].

Мы должны определиться в главном, что мы хотим: унификации культуры, ее утилизации или духовного обогащения украинского общества культурным разнообразием? Следует осознать, что, с одной стороны, искусственное изъятие из научно-производственного оборота русского языка отрицательно повлияет на процессы трансляции и интеграции культурно-информационного пространства украинского общества. С другой стороны, Украине вряд ли будет потребен суржик, на котором завтра заговорит русскоязычное население. Нам всем, и украинцам, и представителям других этносов нужна ассоциация и содружество всех населяющих Украину субкультур на основе принципа всего живого — единства в многообразии.

Какое же решение могло бы устроить все заинтересованные в этом вопросе стороны? Не подлежит сомнению, что в сфере деятельности государственных органов на всей территории страны должен быть один государственный язык. Это гарантия общегражданского единства и государственной целостности. Но что касается отдельных регионов, где проживает значительная часть русскоязычного населения, там, в сфере культуры, искусства, образования вполне допустимы двух и даже трехязычие (например, в Крыму). Для этого вовсе не нужно проведение общеукраинских референдумов или изменения текста Конституции. Ныне действующая Конституция Украины предусматривает решение этого вопроса на региональном уровне.

Мы выражаем уверенность в том, что серьезные намерения новой власти в Украине, направленные на очищение общества от коррупции и преступности, на утверждение честной и прозрачной власти, на взвешенную и реалистическую оценку социокультурных процессов и расширение прав регионов, диалог и сотрудничество с оппозицией — приведут к колоссальному выбросу народной энергии, росту духовного капитала общества и обеспечат устойчивое развитие и процветание украинской государственности.

Источники и литература

1. Ахизер А.С., Шуровский М.А.. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. — 2005. — № 3 С. 58-70.
2. Иноземцев В.Л. М. Хард и А. Негри. Множество. Война и демократия в эпоху Империи // Вопросы философии. — 2005. № 5. — С. 183-187.
3. Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — С. 113-169.
4. Кэмпбелл Дж. Свобода и сообщество // Вопросы философии. — 1992. — № 12. — С. 112-126.
5. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. — М.: «Прогресс», 1991 — С. 113-169.
6. Панарин А.С. Политология. Учебник. — М.: «Проспект», 1997.— 408 с.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Эксмо, 2003 — 544 с.

8. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: «Люкс», 1998 – 392 с.
9. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Высшая школа, 1996. – 423 с.
10. Потебня А.А. Философия языка и мифа. – М.: «Правда», 1989 – 622 с.
11. Соболева М.Е. Интенциональность-коммуникация – язык. Проблема последовательности // Вопросы философии. – 2005 – № 1 – С. 132-146.
12. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 3 – С. 3-19.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990.– 368 с.

Масаев М.В.

САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛОГИЯ РЕНЕ ГЕНОНА

Книги французского религиозного философа Рене Генона, прошедшего путь от увлечения оккультизмом к исследованию эзотерической символики древних культур, а затем нашедшего себя в мусульманской вере и умершего в 1951 году в Каире шейхом, уже переведены на русский язык – и это не случайно.

Россия все более и более становится центром борьбы сакрального и профанического. Об этом свидетельствует, в частности, обращение к сакральной тематике видного российского политолога А.А.Панарина, который после «Глобального политического прогноза рования» (Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для студентов вузов, - М.: Алгоритм, 2000 – 352 с.), «Политологии» (Панарин А.С. Политология. Учебник, Издание второе, переработанное и дополненное, - М.: «ПБОЮЛ С.М.Грачев», 2001. – 448 с.) и «Искушения глобализмом» (Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд – во ЭКСМО – Пресс, 2002. – 416 с. (Серия «История России. Современный взгляд») выпустил «Православную цивилизацию в глобальном мире» (Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 494 с.). Уставшая от борьбы новых коррупционеров со старыми, Россия пытается выйти из рыночного хаоса на путях духовного усовершенствования. Украине, на первый взгляд, до этого еще далеко. Ее больше волнуют вопросы зарплат, пенсий, приватизации, ренационализации, реприватизации, передела собственности, борьбы «коррупцированных» с «некоррупцированными», которые на проверку также оказываются коррупцированными. Да и последняя революция прошла в Украине не в цветах сакральных символов, и даже не в цветах традиционно революционных, а под знаком простых, мало что выражающих цветов, цветов не от английского flower (цветок), а от английского colour (цвет): оранжевого и голубого. Но если образ Ю.В.Тимошенко – это символ не сакральный, а вполне земной символ реальной „оранжевой” революции, то это все-таки символ, и обращаться с ним надо как с символом – иное отношение к нему вряд ли пройдет для украинских политиков безнаказанно. Несоизмеримо опаснее будет для украинцев, и для представителей иных национальностей несерьезное отношение к символам сакральным, знатоком которых и обнаружил себя Рене Генон.

Книга Рене Генона «Символы священной науки»¹ поражает читателя богатством представленной ею сакральной символики – это и традиционная символика, и символы центра мира (в том числе и цветы-символы), и символы циклической проявленности (в том числе и некоторые аспекты символики рыбы), и некоторые виды «символического оружия» (громовые камни, символика рогов, Сайфуль – Ислам (Sayful – Islam), и символика космической формы, и строительная символика, и осевая символика и символика перехода, и, наконец, символика сердца с эфиром в сердце и Божьим градом.

Несмотря на то, что книга «Символы священной науки» представляет собой сборник статей на темы эзотерической и религиозной символики, написанных в разное время, она являет собой абсолютное внутреннее единство, обусловленное единым методологическим подходом автора к самым разнообразным сакральным символам. В любом символе Рене Генон видит закон, устанавливающий отношение какой-либо вещи к ее сущности. Символ всегда стоит у Рене Генона ниже той вещи, которую он символизирует. Так человек как символ Бога ниже Бога, которого он символизирует. Человек же есть символ Бога, так как он создан «по образу Божию» (с.37). Но Бог, естественно, символом человека быть не может.

У французского религиозного философа и мыслителя-традиционалиста любое явление, любая вещь или предмет, как представитель более высокой реальности, могут символизировать (подразумевать) эту реальность самим фактом своего бытия. В понимании Рене Генона символ и символическая реальность соотносятся друг с другом как проявленное и непроявленное, поэтому в работе «Символика креста», которая, к сожалению, в рецензируемую книгу не вошла, Рене Генон пишет: «высшее никогда не может символизировать низшее, хотя обратное верно.» Переворачивание символов возможно лишь тогда, когда один и тот же символ «переворачивается» часто в полном смысле слова и становится символом чего-то совсем иного. О таком переворачивании символов подробно говорится в главе XX «Переворачивание символов» другой книги Рене Генона «Царство количества и знамения времени» (La regne de la quantite et les signes des temps)[1, с.216 – 222]. При этом французский религиозный философ трактует двойственность символа как взаимодополняемость, а не оппозицию [1,с.216]. Причем при этом французский философ-традиционалист полагает, что «обе позиции одного и того же символа могут иметь законное значение» [1,с.220]. Главное – это «присутствие реальной воли» к «переворачиванию»[1,с.220]. Поэтому, как убежден Рене Генон, «использование перевернутого треугольника далеко не всегда есть знак «черной магии»,

¹ Генон Рене. Символы священной науки = Simboles de la science sacree / Рене Генон; [пер. с фр. Н.Тирос]. – [М]: Беловодье, 2004. – 408 с. ; ил.